

ПОЛНОЕ НАКРЫТИЕ

Виктор Венценосцев сидел в подвальном помещении канадского суда и сильно мёрз. Из дома взяли в чём был. Даже куртку в суматохе не надел. И вот дрожи теперь: октябрь на дворе...

Виктор ждал суда, на котором должны были принять решение о его выходе под залог. Есть такая процедура в канадском правосудии: сначала правонарушителя арестовывают и увозят в тюрьму, а наутро везут в суд, чтобы тот решил, оставить ли его на нарах, пока идёт разбирательство дела, или отпустить под гарантию друзей и близких и под денежный залог.

Хорошо, что у Виктора в Канаде есть друг детства – вместе в школе в Новокузнецке учились – Валерка. Он даёт залог и берёт Виктора на поруки до того, главного суда, на котором решат, как наказывать домашнего насильника Венценосцева.

Домашний насильник...

«О-о-о-ох», – из груди Виктора вырывается вздох. Он не хочет об этом думать, ещё и башка трещит: перебрал вчера. Зря он так, какая ужасная получилась пятница...

А в камере тем временем ведутся деловые разговоры. Гавриков, ожидающих суда, там пятнадцать человек. Сидят в бетонном мешке без окон. И без стульев. С железной дверью. Вдоль стены тянется бетонный же «насест» – нечто

вроде скамьи. В углу небольшая перегородка, за ней унитаз. По негласному правилу, сделал «по-большому» – сразу смой, подтираться будешь потом. Это чтобы запах не шёл, кондиционера тут нет.

Русских, кроме Виктора, нет. Пакистанец, иранец, коренные канадцы, канадец в смеси с индейцем – метис...

Последний допрашивает иранца, который тоже угодил сюда за домашнее насилие:

– Где ногу потерял, почему протез?

Тот рассказывает, что участвовал в войне Ирана и Ирака. Она длилась восемь лет. Подорвался на mine. И вот теперь приходится каждые пять лет менять протез: тело меняется, старый натирает...

– А боли у тебя есть? – осведомляется метис.

– Да, сильные.

– И тебе прописывают обезболивающее?

Парень называет неизвестный Виктору препарат. Видно, что разбирается в лекарствах.

– Выписывают.

– Один флакон, где сто таблеток?

– Да.

– Давай вот что сделаем. Ты скажешь, что тебе не хватает, боли усилились, пусть тебе два флакона выпишут. Я второй за две тысячи продам, деньги разделим пополам, – предлагает чингачгук.

Виктор удивляется. Он бы совсем другие вопросы задал: «За что воевали? Кто первый начал и чего хотел? В каком подразделении служил, как долго? Как выбрался с оторванной ногой?» Обязательно бы рассказал про нашу Великую Отечественную, про отца, у которого тоже в ногу было ранение. Отец, пасечник, в дыру, которая была с голубиное яйцо, мёд заливал, и воспаление, которое время от времени возникало, стихало.

Но деловое предложение поступило и ему, Виктору. Рядом присел некто Стив. Татуированный здоровый мужик с косичкой. Расспросил, за что он тут, и почему-то решил взять в дело.

– Давай я автомат по продаже чипсов и напитков вскрыю, а ты на шухере будешь стоять. Это несложно, мне надо всего минут восемь.

– Да какие там деньги-то? – попытался вежливо отказаться Венценосцев.

– Долларов восемьсот, – ответил Стив. – Можно несколько автоматов вскрыть. А если видишь, кто-то идёт, отвлекай внимание. Делай вид, что упал, с сердцем плохо... Вскрики так, чтобы я услышал. Но не допускай, чтобы скорую вызвали.

«Какой мрак», – думал Венценосцев. В эту минуту он осознал глубину своего падения. Сидит с жуликами и ворами. С разбойниками.

На родине Виктор получил образование художника-карикуриста – это который комиксы рисует. Работал в детских журналах. Потом наступила перестройка, журналы закрылись и началась борьба за выживание. Кем только не был: и челноком, и дальнобойщиком... В Канаде выучился на программиста и работает в крупной компании. Хорошо зарабатывает. Живёт в Оттаве уже двадцать лет. У него есть дом, отдельно проживающая взрослая дочь, играющая в главном оркестре страны. Есть жена, с которой прожито более тридцати лет. И есть её родители, в которых всё дело...

Из-за них он тут, среди мошенников. А скоро, может быть, и в тюрьме окажется. Из-за тёщи главным образом.

Нет, конечно, во всём виновато его пьянство. Но пьёт он как? Никогда на работе его пьяным не видели. И чтобы не явился – ни разу не было. Квасит Венценосцев по выходным. И считает, что никому не мешает. Пьёт или у Валерки (и там ночует, чтобы пьяным за руль не садиться), или у себя дома, ни до кого не докапываясь.

Не сказать чтобы это было каждые выходные. Нет, Виктор любит читать, смотреть телевизор, продолжает рисовать. Правда, редко, и обычно шаржи на коллег и знакомых. Тем нравятся.

В канадском «обезьяннике» он не впервые. Что для него самого удивительно. Ведь из интеллигентной семьи: папа – историк, доктор наук, автор учебников, мама – литредактор в издательстве. А как-то так складывается жизнь, что у него, Виктора, уже были трения с законом.

В первый раз он был арестован через два месяца после приезда в Канаду.

Устроился на бензозаправку. Работал кассиром – принимал оплату за бензин, продавал лотерейные билеты, чипсы и шоколадки. И вот однажды подъезжает юноша на феррари. Заправил полный бак, и кассир видит вдруг, что к нему подъезжает другой парень, тоже на дорогой машине, и они меняются автомобилями. Машина, которую заправили, собирается отъезжать.

Виктор – туда. Платите, мол. Новенький парень говорит: «Я не заправлялся», захлопывает дверцу, включает мотор. Виктор цепляется за дверцу, и так парень провозит его несколько метров. «Платите!» – орёт на ходу Виктор. Юноша останавливается и вызывает полицию.

Виктор тогда английского практически не знал. На заправку его устроили русские, работал там тоже земляк, он помогал новичку объясняться с клиентами. В этот день земляка не было, и Виктора увезли в участок и обвинили в нападении. Позже он узнал, что не желавший платить второй парень – сын начальника полиции города. Венценосцев удивился: ну ведь для него заплатить за бак бензина – копейки, а ему, новому иммигранту, возмещать недостачу было бы форменным несчастьем!

Сидя в то время в тюрьме, думал, как защитить себя на суде. На адвоката денег нет. Говорят, есть для бедных бесплатные адвокаты, но где их искать? Жена, Марина, тоже английского не знает.

И придумал. Попросил у охранников бумагу, ручку и стал зарисовывать произошедшее. Как комикс. Как он стоял у кассы – первый кадр, потом всё в подробностях: как приехал модный юнец, заправил машину, отдельный рисунок – показатель на счётчике, что полный бак, и сумма... Потом нарисовал второго и как он, Виктор, просил заплатить, как парень захлопнул

дверцу и как машина тащила Венценосцева по асфальту...

На суде, когда человек в тёмной мантии обратился к нему, Виктор ничего не понял. Он просто протянул охраннику свои рисунки. Тот передал их судье. И Виктор, замерев, смотрел, как судья, подняв брови, их рассматривает.

Потом судья стал что-то говорить. Виктор не понимал что, но почувствовал: происходит что-то хорошее для него. Судья смотрел в его сторону дружелюбно и даже улыбался.

Потом Валерка, который, как верный Санчо Панса, присутствовал и тогда, сказал, что речь судьи сводилась к следующему:

– Мы все должны помнить, что многие иммигранты, которые в Канаде работают кассирами, таксистами, уборщиками, официантами, на самом деле – образованные люди. И люди нередко талантливые. Мы должны гордиться, что они выбрали Канаду своим местом жительства. Мы должны входить в их положение, быть к ним снисходительными. Подсудимый – художник, и он безо всякого адвоката, без знания английского языка смог поведать нам о происшедшем. Я не вижу его вины. Он свободен.

Хозяин заправки потом объяснил Виктору, что в Канаде кто первый позвонил в полицию – того и тапки. Если бы он, Виктор, позвонил первым, всё сложилось бы иначе. Тем более что у бензоколонки имелась видеокамера. Мажоры бы и оправдывались, ещё у пап на работе были бы неприятности, если бы информация в СМИ просочилась...

Таким был первый канадский опыт.

***

– Вин... Винсенте!

Железная дверь открылась, и Венценосцева повели на суд, который решит, выпускать ли его под залог. Суду всё было известно со слов полиции. Что спяну запустил в тещу вилкой и раскроил старушке щёку, что потом угрожал ей и жене булыжником. И потому жена вызвала полицию.

А так, вообще, подсудимый характеризуется положительно.

Виктор благодарен невесть откуда взявшемуся бесплатному адвокату – молоденькой девочке. Может быть, она ещё студентка, но уже в своём деле шарит: нашла Валерку – гарантёра, позвонила Виктору на работу и сказала, что он

не может прийти по семейным обстоятельствам. На суде его так хорошо представили, что быстро перешли к вопросам к гарантёру.

Валерка, положив руку на Библию, поклялся говорить правду и ничего, кроме правды. А потому на вопросы отвечал искренне.

– Вы пьёте? – первым делом спросил судья.

– Пью, – спокойно сообщил гарантёр.

– Как часто? – удивился судья.

– Каждый день, – поведал Валерий.

– Так как же мы вам господина Венценосцева на поруки отдадим? – снова удивился судья. – У вас же дома, наверное, алкоголь хранится?

– А как же! – подтвердил гарантёр. – В ассортименте.

– Можете ли вы его спрятать на то время, пока у вас будет жить господин Венценосцев?

Тут настала пора удивляться Валерию. Он представил, как пьёт втихушку от друга, и сказал:

– Это противоречит моим моральным ценностям.

Судья вздохнул и попросил, чтобы те три месяца, что Венценосцев будет жить у Валерия (до вынесения приговора), друзья не пили.

Гарантёр пообещал стараться.

Это правила в Канаде такие: если человек уличён в избиении домашних или нападении на них, ему запрещают проживать дома, хотя счета оплачивать он обязан. Должен снять квартиру или комнату, не приближаться к своим жертвам и даже не звонить. Виктора брал к себе Валерий – мужчина одинокий, вдовец.

Суд постановил до суда выпустить Венценосцева на свободу и осыпал условиями. С десяти вечера до шести утра быть дома, то бишь в квартире Валерия. Оружия не иметь. Пить нельзя, записаться на курсы трезвости. Нарушишь условия – будешь ждать суда за рукоприкладство за решёткой.

***

А как дело-то было... В пятницу, самый прекрасный в Канаде день недели, когда ухававшееся население видит свет в конце тоннеля, Венценосцев выпил. Изрядно. Прилёг на диван и заснул было, как сквозь закрытые веки ощутил, что над ним нависла туча. Тёща.

– Опять нализался? – спросила старуха-процентщица.

Виктор потому её так мысленно называл, что, прожив с ней шесть лет, понял Раскольникову. Да, бывают люди, которые созданы для

того, чтобы есть себе подобных. Как самка богомола.

Тёща сожрала его, Виктора, жизнь. Жизнь разделилась на до приезда тётщи и после него. До него он жил с супругой душа в душу. Страсти молодых лет перегорели, там было всякое – и измены, и почти расставание, однако всё перемололось, и, учитывая, что остался он всё же с Мариной, можно сделать вывод, что любовь была и есть. Иногда, как всякий человек, он сомневался и ему казалось, что живёт он с женой по привычке. Но порой к сердцу при виде Марины приливал такая теплота, что он осознавал: любит он её, огонёк ещё горит.

Жили в Канаде Венценосцевы вполне благополучно. Но вдруг Марине захотелось вызвать родителей из Новокузнецка.

Как отказать? Родители старые, им требуется уход. Виктору и самому их было жаль. Вызвал, взял на спонсорство. То есть пообещал канадскому правительству содержать их как минимум десять лет.

И получил добрый самаритянин сполна! Раньше, когда Венценосцев с тётшей не жил, она выглядела человеком умным, эрудированным, интересной собеседницей и милой женщиной. Все Марине обычно говорили: «Какая у вас милая мама!»

Но то ли она постарела, то ли он просто её плохо знал, однако зять столкнулся с тем, что милейший с посторонними человек, слабая, нежная женщина при закрытых дверях может превращаться в подлинного монстра. Тёща оказалась властной, всё контролирующей – до мелочей, настойчивой в навязывании своих порядков, истеричной и мстительной в случае, если ей хоть немного сопротивляются. Она оказалась манипуляторшей и выстраивала целые схемы, чтобы добиться своего.

Вначале Виктор считал, что манипуляции – это её неосознанное, спонтанное поведение. Потом понял, что нет. Это вполне продуманные интриги и упёртая вера в то, что ради цели все средства хороши.

Своего самца-богомла, мужа Петра Васильевича, тёща давно съела. Он был бледной тенью. Ел, спал, смотрел телевизор, никому не мешал и, если Ольга Николаевна о чём-то вещала, только согласно кивал. Марину мать доедала, Виктор же оказался не по зубам, и тёща вела с ним борьбу не на жизнь, а на смерть. Живя при этом в его доме.

С приездом родственников Венценосцевы быстро отремонтировали бейсмент*, сделав из него квартиру с отдельным входом, кухней и ванной. Казалось бы, чего родителям там не получить удовольствие от жизни? Большой телевизор на стене, библиотека.

Так нет же. Ольга Николаевна всегда пребывала на первом этаже, и проходу от неё не было уже с утра, с шести часов, когда Виктор просыпался и собирался на работу. Марина обычно тоже просыпалась и готовила ему завтрак.

Тёща уже не спала. Она выходила и делала удивлённые глаза: «Как? Вы садитесь есть не попив соду?» Сода – это был пунктик. Тёща ошелачивала организм. То есть по утрам, до еды, выпивала стакан горячей воды с разведённой в ней содой. И того же требовала от Марины, крича: «Посмотри на себя! Ты же уже колода! Ты выглядишь хуже меня!», а заодно и от Виктора. Так как ей не хотелось, чтобы добытчик рано протянул ноги. Она заботилась о том, кто обеспечивает её дочь и внуков, как хороший хозяин заботится о своей коняге.

Если «молодые» не реагировали на требование пить соду, тёща смотрела, что у них в тарелках, и выносила вердикт:

– Нет, ну если такое с утра жрать... Вы понимаете, что вы слишком много едите? Мы ведь как в СССР ели? Маленький бутербродик с утра, стакан чаю, и всё. И никакого майонеза под колбасу.

И тёща убирала майонез в холодильник. Зная, что Виктор очень любит намазать им хлеб и только потом положить колбасу.

Супруги молчали, но тёща, видя, что ей не отвечают, заводилась всё больше и доходила до крика, адресованного дочери:

– Ты уже ни в одно платье не влазишь! И дочь свою научила что попало жрать! У меня талия уже, чем у тебя!

Виктор ронял:

– Время – шесть тридцать... В такое время ещё не ругаются.

Казалось бы, интеллигентное принуждение к миру. Но тёща оборачивалась на него, как вампир, почуявший запах крови.

Она упиралась в зятя колючими зелёными глазками и спрашивала дочь:

* Бейсмент (от англ. basement) – подвальный этаж в частном доме, находящийся полностью или наполовину в земле. Обычно североамериканцы отделяют его, превращая в одно большое помещение или квартиру с несколькими комнатами, кухней и ванной. Эту жилплощадь можно использовать самим, а можно поселить квартирантов.

83

– Может, ты что-нибудь ему скажешь, предательница? Или будешь смотреть, как оскорбляю твою мать?

– Мама, ну ты же сама начала, он тебе ничего не сказал...

– Ну конечно! Ты всегда на его стороне! Как же я забыла об этом?

– Мама, да я всегда на твоей стороне, я уже ему всю плешь проела из-за тебя, – оправдывалась Марина.

– Ладно, ладно! Ещё посмотрим! Вот сдохнете оба, а я с вашими внуками сидеть не буду! Я видеть не могу, как вы живёте! Это дебилы какие-то, дураки! И ведь уже до чёрта лет, а жрут что попало, ложатся в полночь, как подростки, дочь воспитали непонятно как, потому она и замуж не выходит, хотя ей скоро тридцать, и ещё не слушают...

Тёща начинала рыдать и убегала. Закрывалась в ванной, но рыдала всё громче и громче, чтобы они слышали.

Супруги расставались с плохим настроением. Виктору было тревожно, что Марина осталась с Ольгой Николаевной, которая будет есть её весь день, Марина оставалась дома с тем же самым предчувствием и чувством вины перед мужем.

В Канаде есть субсидированное жильё, причём старики получают квартиры там быстро, всего за полгода. Но Марина не хотела сдавать туда родителей, потому что отец был совсем слаб и ему в любой момент могла понадобиться доставка в госпиталь. Да и матери при всей её заботе о собственном здоровье тоже могла понадобиться помощь. Виктор понимал, что и скорая вполне довезла бы тещу с тестем до госпиталя, если бы приспичило, но не хотел ломать Марину. А она категорически требовала, чтобы родители жили с ней. Только много позже Виктор осознал, что этого хотела не Марина, а вампир Ольга Николаевна. А Марина принимала желанья матери за свои, так как привыкла к этому с детства.

В некоторых ссорах, возникающих, как считал Виктор, на пустом месте, тёща крыла их матом или употребляла вполне литературные, но гнусные слова: «Вы твари, фашисты, суки!» А после истерики взхлёб, выбегание из дома и шатание по улице в слезах. И это в Канаде, где, если такое заметят, могут позвонить в полицию и обвинить Венценосцевых в «элдерли абьюз», что они обижают пожилого человека.

Повод для выбегания? Зять отказался ехать за луком. Говорит, устал. Или тёща велела поехать за огурцами, он поехал, а магазин оказался закрыт. И вместо того чтобы подождать пять минут, зять, сволоочь, вернулся и сказал, что съездит через час. А мог ведь подождать!

Готовка – это была ещё одна огромная семейная проблема. Тёщин пунктик. Жарить и парить, строгать и варить... Чаше всего Виктор видел тещину спину. Женщина полдня стояла у плиты. И, казалось бы, надо быть благодарным, но Виктор не был. Он ненавидел эту готовку. Потому что столько еды никому не нужно. Это был какой-то конвейер. Причём, с одной стороны, Ольга Николаевна упрекала дочь и мужа, что они много едят, а с другой – производила одно блюдо за другим, которые надо было съедать, чтобы не испортились. Суп – ведёрными кастрюлями, да плюс второе, да плюс салатик, да ещё котлетки...

Да и чёрт бы с ней, но ведь это надо постоянно ездить за продуктами, покупать огромными корзинами, как принято в Северной Америке, потом их разгружать, потом загружать в холодильник, выносить мешки с очистками и снова ехать в магазин, потому что «забыли лук, а без лука нет ни одного нормального блюда». Так утверждала тёща.

Когда она жила в Новокузнецке, Виктору готовила Марина. Пару раз в неделю. В остальное время супруги питались по кафе и ресторанам, а также перемагались дома полуфабрикатами. Вполне вкусными – пиццей, лазаньей, где-то кофе с пироженкой, где-то салатик или бутербродик, яичница. И это, считал Виктор, куда лучше, чем пищекомбинат дома.

Но тещу было не унять. Другой скажи: «Не готовьте сегодня, отдохните» – она будет благодарна. А Ольга Николаевна воспримет как оскорбление и чудовищную неблагодарность.

– А что есть будете? – колюче спросит.

– Да найдём. Там полно в холодильнике.

– Да? А мне есть нечего. Я без борща не могу.

И тёща начинала готовить. А к борщу и салатик. И пюрешку. И – апофеоз: «Съезди в магазин, купи лука, я хочу ещё котлетки пожарить, а лук кончился».

– Я выпил, не могу за руль.

– Марина, а ты? – напряжённо смотрит на дочь Ольга Николаевна.

– Мам, давай без котлеток. Я себя плохо чувствую, давление, наверное...

– Твою мать! Почему я должна и готовить, и всех упрашивать?

И слёзы градом, истерика, крики, убежание в туалет, всхлипывания оттуда, с речитативом: «Да зачем я сюда приехала?.. Жила бы с Веркой... Нет, живи с этими ленивыми дебилами... С алкашом с этим».

...Виктор лежит на диване с закрытыми глазами и старается представить Кубу. Он любит туда ездить. И не только из-за чудесных пляжей и бирюзового моря, а больше из-за самих кубинцев. Несдавшихся, помнящих о дружбе с русскими, свободных, вечно отдыхающих и улыбчивых, несмотря на нищету. Виктор представляет светлый горячий песок и шум прибора...

– Зря ты выпил, – раздражённо говорит Марина. – Ты же знаешь, как на неё это действует.

Виктор молчит.

– Я поехала за луком.

– Бесполезно, – роняет он. – Лук не причина, это повод. Она не может жить, если не сделает кого-то виноватым. Она каждый день ищет повод обидеться. Заходит с разных сторон. И если не реагировать, обижается на то, что ты такой каменный.

– Ну ты должен понять: она готовит, старается. И убирает в доме.

– Её никто не просит. Мы без неё не подышали от голода и не заросли грязью до ушей.

Из туалета доносятся более громкие, чем раньше, рыдания.

– Иди успокой её, – велит Виктор. – Иначе она отомстит.

Он давно заметил, что если тёща не оттанцует на них, если как-то так получится, что они не покорились и она не добилась своего, она позже мстит. В какой-нибудь прекрасный день, когда с утра никто не поругался, когда, казалось бы, тихий ангел поселился в доме и, более того, все проводят время даже дружно, Ольга Николаевна вдруг вспоминает какую-то свою обиду и ни с того ни с сего устраивает скандал.

Сначала все терялись, не понимая, в чём дело. Но в гневной речи тёщи проскакивало, за что это всё... «Я вам никогда не забуду, что вы мои туфли выкинули!»

Туфли были не её, а Маринины. Они износились. На подошве появилась дыра. Но тёща была скопидомкой – ничего не позволяла выбрасывать. Оттого были уже забиты шкафы и гараж.

– Туфли? Погоди... Я могу починить и носить... Кожа-то натуральная... Не выбрасывай, – сказала она Марине.

– Мама, они совсем изношенные, потёртые.

– Я сказала, не выбрасывай. Непонятно?

– Я не хочу, чтобы моя мать ходила в таких туфлях.

– А! Тебе туфлей драных матери жалко? – И рёв.

Ольга Николаевна понимала, что дело не в жадности, но ей хотелось побольше уколоть дочь. Пусть оправдывается, если такая непослушная.

– А вы бы не говорили, что собираетесь что-то выбрасывать, – советовал Виктору Валерий.

Но тёща знала все вещи в доме. И пропажа какой-либо была бы замечена не сегодня, так через неделю. И потом были бы стенания на годы, что это была любимая вещь и Ольга Николаевна хотела сделать из вот этого кружевного воротника воротник лисий, но «твари и фашисты» эту вещь специально выкинули, чтобы её обидеть.

Однако больше всего Виктора бесило бесконечное тёщино капанье на мозги, что им надо уезжать домой, в Россию. Она постоянно внушала Марине, что в Новокузнецке жить лучше, чем в Оттаве, что «вот Верка прекрасно живёт» (вторая дочь Ольги Николаевны).

Виктор не выносил и встревал:

– Ага. Сын у Верки снаркоманился, муж спился, а так – всё замечательно.

И тёща поднимала на него свинцовые от ненависти глаза:

– Ты бы заткнулся лучше. Не тебе, бухарику, говорить...

– Бухарик или нет, а за дом, в котором вы живёте, плачу. И дочь вашу содержу, и внучке вашей подкидываю деньжат...

Хотел добавить, что и за их поездки в Новокузнецк платит, но вовремя вспомнил, что у них накапливается пенсия и, выходит, они сами себе оплачивают дорогу.

Эти поездки были Виктору поперёк горла. Старики были уже в таком состоянии, что из каждой поездки возвращались с новой болячкой. Пётр Васильевич вернулся из последней с переломом руки. Хорошо, не шейку бедра сломал, когда поскользнулся и упал, а то бы каюк. Тёща вернулась со свадьбы внучатой племянницы в предынфарктном состоянии. Тоже бегали в Канаде по врачам, лечили.

– Вот это племяннице был бы подарок – кабы Ольга Николаевна на свадьбе померла, – говорил Виктор.

Это хорошо ещё, что в Россию ездят. У знакомых семидесятипятилетняя мать поехала на похороны двоюродной сестры в Аризону, и там её разбил инфаркт. А страховку дети не сделали. И вручили им от американского госпиталя счёт почти на двести тысяч долларов. Пришлось продать бизнес (пекарню), чтоб расплатиться.

Ольга Николаевна хочет жить в России. Но её никто в Канаду насильно не тащил, сама же согласилась. А теперь бесится. И Маринке мозги запудривает, давай, мол, вернёмся.

Виктор не хочет возвращаться. И не потому, что родину не любит. Любит. Он уехал из России в конце девяностых, когда жизнь была очень тяжёлой, безрадостной и бесправной. Уехал в Канаду, хорошо устроился, дочь прекрасно живёт... Чего тёща хочет? Чтобы они Анютку оставили в Канаде, а сами рванули в Новокузнецк? Ведь понятно же, что молодая женщина, играющая в главном оркестре страны и выросшая в Канаде, никуда не поедет.

И зарплата у Виктора хорошая, и пенсия заработана именно здесь. Бросать её, что ли, и ехать на новое место, начинать в свои пятьдесят пять жизнь заново?

Россию он и здесь поддерживает. Время от времени посылает посылки совершенно незнакомым людям, которые бедствуют. Адреса берёт в «Комсомольской правде». Есть там рубрика «Отдел добрых дел». Виктор то ребёнку больному перечислит, то многодетной семье они с Мариной посылку соберут. А если бы в Новокузнецк переехали, кто знает, были бы у них средства на помощь землякам?

Виктор понимает, что в Канаде тёща одинока. Но сколько раз он предлагал ей пойти в русскую церковь, благо до неё пятнадцать минут пешком, и там познакомиться с другими старушками. Там чаепития проводят каждые выходные. Но нет. Тёща атеистка, в храм ей идти стыдно. «Так вы после службы приходите, когда начинается чаепитие», – советовал Виктор. Тёща отмалчивалась. И он приходил к выводу, что жрать свою семью ей куда интереснее, чем лясы точить с какими-то подружками, которых ни обзывать нельзя, ни на лопатки положить.

А были ли хорошие черты в его тёще? Конечно. Начитанная, интересный собеседник. Честная по деньгам, верная мужу. Родину любит, переживает за неё. Не лежебока, никакого труда не боится. Может не только гвоздь вбить, но и стену оштукатурить. За дочь и внучку пережи-

вает. Своеобразно, конечно, с питием их крови, но как умеет.

Однако бывает так, что все хорошие черты меркнут перед одним, но сильным недостатком. Вот Чикатило, например, остался в истории жестоким маньяком. И кого волнует, что он был хороший семьянин и, возможно, неплохой преподаватель, а может быть, охотно давал деньги займы или перевёл когда-то старушку через улицу.

Виктор заикался было, чтобы сводить Ольгу Николаевну к психологу (хотя считал, что нужен психиатр). Но тут она даже не обиделась. Посмотрела на него, как на умалишённого, и сказала спокойно: «Я сама больше всех этих старых евреев знаю». Валерка советовал ей в питье успокоительное подмешивать, но тёща, имевшая привычку брать трубку второго домашнего телефона и подслушивать, рассвирепела: «Он меня отравить хочет! С дружкой советовался!»

Знала, что не хочет. Понимала, о чём шла речь. Но как не воспользоваться моментом? Время от времени она даже намекала Марине, что Виктор изменяет. И приводила доказательства: она-де рассмотрела простыни в стирке и видела на них какие-то пятна, которые свидетельствуют, что у зятя «нездоровая сперма». Пятна должны быть белыми, а они желтоваты.

И Маринка, которой это долбилось исподволь ежедневно, начинала нервничать, приглядываться, принимать, внезапно названивать. «Дура ты, Марина, – смеялся Виктор. – Я в постели ем, ты же знаешь, вот те и пятна». Но когда вспоминал об этом эпизоде, от злости хотелось тёщу пришибить. Это ж надо додуматься – рыться в грязном белье! Он всегда считал, что это образное выражение, ан нет...

Виктор даже сначала думал, что, может, смириться и делать всё так, как она захочет? Ну, подумаешь, пусть готовит каждый день как на свадьбу, пусть нудит, что надо уехать в Россию, пусть триндит про питье соды и про всё-превсё остальное. Но попробовал и понял, что это ловушка. Почувяв слабинку, тёща, как старуха в «Золотой рыбке», требует больше и больше. И вот уже ты ешь и пьёшь не то, что хочешь, а что ей кажется правильным, ложишься спать в то время, которое ей кажется верным, дружишь с теми, кто ей нравится, а когда звонят «паразиты» (так тёща называла тех, кто ей не нравится), ты не должен брать трубку.

86

Раз за разом просил Виктор жену доставлять продукты на очередь на субсидированную квартиру. Обещал, что будет ездить, навещать, продукты подвозить... Но Марина наотрез отказывалась: «Если они будут жить отдельно, я иду с ними». И он смирялся, терпел.

* * *

То была скверная пятница. На работу Виктор не ходил, потому что продал дом и на понедельник было намечено завершение сделки в офисе адвоката и переезд в новый дом. Пятница и выходные посвящались сборам. Виктор паковал вещи, разбираал мебель, а теща ходила и зудела: «Надо съездить за луком, и вообще... Молока нет... Продукты надо купить».

Он спросил зачем, если переезжают, а в новом, только что построенном доме холодильника ещё нет. Пока купят, дня три или даже пять дней пройдёт – доставка не моментальная... Где будут продукты? Свой холодильник по канадской традиции Венценосцевы оставляли с проданным домом, равно как и другие электроприборы, и, что вообще странно, занавески. Ну, электроприборы – это ладно, их тяжело перевозить, и обычно люди въезжают в другой дом, где им тоже оставили и плиту, и холодильник, и стиралку. Но почему надо оставлять занавески и светильники, люстры, этого Венценосцев не понимал. Нет, можно, конечно, и увезти с собой, но часто покупатели западают на хозяйские занавески и светильники и в договоре просят их оставить. И когда берёшь сотни тысяч долларов за дом, как-то не с руки цепляться за это добро.

Но традиция всё же странная. С таким же успехом можно и диван хозяйский потребовать, и телевизор...

В общем, Виктор был рад, что продуктов в холодильнике осталось мало и не придётся таскать сумку с текущим мясом, молоком и прочим. Как раз хватает, чтобы подъехать за выходные.

Тёща ходила и злилась: «Есть нечего». Тогда Виктор бросил дела, посадил всех в машину и повёз в ресторан. Там заказал еду и, пока готовили, беседовал с женой. Заказал он «полное накрытие». Так в Канаде в русских ресторанах называют лучшее меню, когда на стол мечется просто-таки всё и блюда стоят аж друг на друге. В шашечном порядке.

– Давайте отметим успешную продажу дома! – улыбнулся Венценосцев, чтобы разрядить обстановку.

Тёща сидела, поджав губы. А когда принесли еду, почти не ела, а уныло клевала. Потом губы у неё задрожали и на глазах появились слёзы.

Венценосцев сделал вид, что не заметил. Марина – тоже.

Поехали домой. Когда ехали мимо супермаркета, теща предложила: «А давайте продуктов купим на вечер».

Виктор затормозил. Нажал на кнопку, открывшая заблокированную заднюю дверь и сквозь зумы произнёс:

– Идите. Марина, дай маме денег.

Тёща ответила:

– Я никуда не пойду. Если таким голосом...

– Идите, – приказал Виктор. – Хотели идти, нечего теперь ломаться. Идите.

– Не пойду! – упёрлась теща.

И Виктор рванул с места.

Домой все вернулись в плохом настроении. Работать ему уже не хотелось. Решил, что остальное дособирует и доразбирает в выходные. Сел смотреть телевизор и поставил перед собой бутылку виски. Пил, и пил, и пил... Зря, конечно...

– А что, мы ковёр вот этот разве с собой не берём? – зашла с улицы теща.

Она побывала в гараже и волокла за собой старый ковёр, из которого лезла шерсть и который источал плохой запах. Ковёр пах мышами и кошками, его давно пора было выбросить.

– Не берём.

– А я хочу его к себе в комнату, я отмою, – сообщила Ольга Николаевна.

– Зачем? У вас есть в комнате хороший ковёр.

– А я хочу этот!

– Да вы издеваетесь, что ли?! – взорвался Виктор.

Он уже набрался. Схватил ковёр и потащил его на фронт ярд*, куда все выбрасывали ненужные вещи, а мусорная машина потом забирала.

Вернулся, а там уже дым коромыслом. Тёща визжит, Маринка плачет.

– Не могу больше! Не могу жить с этим извергом! – верещит теща. – Ненавижу! Алкаш проклятый, ещё хвост на меня поднимает! Да как ты с ним живёшь? Там же смотреть не на что! Я бы его в жизни не поцеловала. Ты посмотри на его рожу – губы в ниточку. У жадных у всех губы в ниточку! Ковра теще пожалел...

Виктор налил себе полстакана, хлопнул, а потом взял вилку, чтобы закусить маринованным

* Фронт ярд (от англ. front yard) – участок земли перед домом.

огурцом. Но передумал. И когда тёща начала рыдать, запустил в неё вилкой.

Вилка попала в щёку. Появилась кровь. Тёща охнула.

– Сдурел совсем? – закричала Марина. – Ты бы ещё кирпич взял!

Она стала что-то кричать, но он не понимал. Видел только, что жена открывает рот и машет руками. Отметил про себя, что раньше она на него никогда рот не разевала. И никогда не была так похожа на свою мать, как сейчас. Взглянул на тещу. Та – вот удивление-то! – будто забыла о своей ране, а смотрела на разыгравшуюся на её глазах сцену: как Марина кричит на мужа. Тоже, видимо, была поражена. И обрадована. Обычно супруги были друг за друга, как шерочка с машерочкой.

Тёща смотрела плотно. Она испытывала удовольствие и надежду: оборона пары прорвана, Маринка его бросит и уедет с ней в Россию.

– Кирпич бы ещё нашёл! – снова прокричала Марина.

И Виктор это услышал. Вышел из дома и стал искать кирпич.

Кирпича не нашёл, зато под рукой оказался булыжник. С ним вошёл в гостиную, где уже снова рыдала тёща и бегала вокруг неё Маринка.

– Ещё раз рот откроете, вот этим по башке получите, – предупредил обеих Виктор.

Он был пьян и не знал, как грозно выглядит в тот момент. Не понимал, что похож на статую «Булыжник – орудие пролетариата».

– Мариша, полицию! – простонала тёща.

– Да я тебя убью сейчас! – шагнул к ней Виктор.

Убивать не собирался, но видеть её напуганное лицо понравилось. Впервые она была такая – дрожащая, как мышь. Не наглая, как обычно, а растерянная, напуганная. Венценосцев с отвращением подумал, что наказать её следовало бы уже за то, что она испохабила жизнь тестю. Хороший, добрый мужик превратился в подкаблучника, который и чаю не мог себе позволить выпить, потому что жена крутила ему фреш из невкусного миндального молока и фруктов и заставляла пить, так как это полезнее. Ладно, хоть не мочу. Лет двадцать назад она уринотерапией увлекалась.

– Убью! – заорал Виктор и занёс булыжник над тещей.

Но тут кто-то сзади прыгнул на него, повис на шее, Виктор упал, и его стали мутузить в шесть ног – жена, тёща, прибежавший на крики тесть. А потом выволокли в коридор и толкнули так, что он покатился с лестницы, которая вела в бейсмент.

Не убился. Получил, как записали потом в госпитале, «множественные гематомы». А гематомы были, между прочим, на полбрюха.

* * *

Полиция по звонку Марины прибыла быстро. Надели наручники, спросили:

– Куда едем?

– В госпиталь, на освидетельствование, – ответил Виктор.

В госпитале освидетельствовали, и полиция отвезла домашнего насильника в тюрьму. Вели себя вежливо, даже рассказали ему о его правах. Он как-то сразу протрезвел.

В тюрьме раздели догола, попросили нагнуться, раздвинули ягодицы. Потом дали оранжевую робу, в которую он облачился, и повели в камеру. Вели двое. Один открыл дверь и сразу посмотрел внутрь, на того, кто уже в камере находился. Второй охранник смотрел на Виктора. Позже Венценосцев узнал, что так положено.

Виктор вошёл, поздоровался.

В камере ничего не было, кроме двух полок для сна, как в купе. На верхней сидел парень.

Чтобы установить добрые отношения, Виктор вежливо осведомился, хочет парень спать на верхней полке или на нижней. Виктор готов уступить ему нижнюю. Когда он служил в армии, лучшим местом считалась нижняя полка.

– Нет, – ответил парень. – Пожалуйста, сэр, спите внизу.

Он был вежлив, как большинство канадцев.

Познакомились. Виктор рассказал, за что его взяли, и осторожно спросил, за что сидит парень.

– За убийство, – лаконично ответил тот.

В итоге Венценосцев глаз не сомкнул. Ладно, если парень из корысти или ревности кого-то укокошил. А если маньяк, психопат? Вон один психически больной в автобусе парню голову отрезал у всех на глазах.

Лежал Венценосцев и думал: вот это Маринка себе устроила переезд! Сама сейчас всё паковать и грузить будет. Нет, с командой грузчиков он договорился, но надо, чтобы, когда они придут, вся мебель была разобрана и упакована, а то, что не разобрано, следует обернуть полиэтиленом. Да много работы... Ничего. Пусть тёща погорбатится, если не умеет мужиков ценить.

И ещё думал: интересно, узнают ли на работе, что я в тюрьме? Если узнают и уволят, вот будет номер. Маринке придётся самой работать

и все счета оплачивать. А он будет раны лечить. Может быть, в тюрьме.

***

Наутро принесли поесть. Сначала из коридора выкликали всех, кого везут в суд на слушание о выпуске под залог. Открывали окошечко в железной двери и называли фамилию. Потом, когда все вышли и построились, прикатили тележки с сэндвичами и соком. Ложек, вилок, чашек нет. Потому что могут стать оружием. Сэндвичи в целлофане, порошок сок в бумажных пакетах. Есть ещё булки с маслом. И круассаны. Брать положено два «блюда» из трёх. А если не хочешь, объяснил Виктору ещё в камере сосед, надо брать всё равно, потому что повезут в суд и там кормить не будут, а суда можно и полдня ждать.

Ели тихо, спокойно. Вот это Венценосцеву в канадцах нравится. Спокойствие, сдержанность, вежливость. В России вежливость недооценивают, ей предпочитают искренность, прямоту. Честность то бишь. И он с этим согласен. Искренность важнее. Но вежливость тоже хороша. С ней гораздо легче жить.

Вот охранники... Целая куча их, по несколько на каждого заключённого. Страна создаёт рабочие места для своих граждан. Столько бы и не надо охранников, но куда народ девать? Охранники никого не гнобят, говорят только по существу – команды отдают.

После завтрака сковали заключённых цепью (по три человека) и повели в автобус.

***

И выпустили Венценосцева под залог. Никогда не думал он, что ему, интеллигентному человеку, придётся ходить на курсы трезвости. Не курсы анонимных алкоголиков, а некие душевные беседы с каким-то консультантом-бандеровцем по фамилии Недайхлиб.

Здоровый такой, румянец во всю щёку, чистые ногти. Начал психологически тонко.

– Ты, – говорит, – алкаш. Тебе всего пятьдесят пять лет, а посмотри, как ты выглядишь: морщины, худой.

Виктор был потрясён: «Ах ты ж, собака! Тебе под тридцать и ты тут сидишь всю свою короткую трудовую жизнь и бумажки перебираешь, а я до Канады кем только не работал: и челноком был, и дальнобойщиком. И пару месяцев назад сам драйвэй камнем вымостил, никого не нанимал».

Но сдержался и сказал лишь:

– Я девять лет дальнобойщиком был. Как я могу быть алкоголиком? И в Канаде каждый день на работу хожу, никто меня пьяным не видел, спросите...

Бандеровец прочитал ему лекцию на тему, что такое хорошо и что такое плохо, и отпустил.

Виктор шёл домой, то есть к Валерке, и вспоминал, как увещевал тещу: «Вы живёте с дочерью, не в богадельне, не в психушке, мужик ваш ещё ходит, каналов русских у вас сто, холодильник едой забит, весь бейсмент вам отдан. Чего ещё нужно?»

И что людям неймётся? И как родители могут гнобить детей? Он не понимал этого. Не понимал кайфа от того, что заставляешь кого-то, рядом живущего, танцевать под свою дудку. Ничего ведь не обходилось без вступления Ольги Николаевны. Стоит Марине начать печь блины, теща тут как тут: «Сахар не клади, вредно». И стоит следит, чтобы по её было. А что, если он, Виктор, любит с сахаром? Без сахара блины – просто хлеб...

«Господи, – одёргивал он себя, – моя жизнь превратилась в борьбу со вздорной бабой. Ещё в тюрьму за неё сяду. Вот это и будет – полное накрытие...»

***

Суд приговорил Виктора к двадцати семи месяцам лишения свободы условно. Позволили вернуться домой (с разрешения домочадцев), обложили запретами. И он вернулся. Понимал, что стесняет Валерку.

С женой помирился. С тещей и тестем – не разговаривает. Ну их, от греха подальше.

Домой Виктор приходит в шестом часу вечера. Теща, по уговору с Мариной, сразу выметается из кухни к себе в бейсмент. И Виктор проводил с женой тихие вечера. Как раньше.

Как раньше? Нет, конечно. С одной стороны, он повторяет для себя: жена вызвала полицию потому, что он был пьян, агрессивен и она, видимо, испугалась за себя и мать. С другой стороны...

Вот об этой, другой стороне он много размышлял. Стал бы он вызывать на Марину полицию? Да никогда. Более того, он и на тещу бы не вызвал. А если бы теща тонула – спас бы.

Что случилось с русскими людьми за границей? Почему они стучат на своих, почему расправляются с родными железной рукой государ-

ства? Вот теперь у него, Виктора, есть судимость. Теперь он человек второго сорта и, случись какой-то спор у него, какая-то тяжба, чиновники всегда будут думать, что виноват он, так как агрессивный домашний насильник... То есть семья поставила ему на лбу тавро. До конца жизни не отмоешься.

Чёрт с ней, с тёщей, но Маринка... Они же всю жизнь вместе, он же её целовал-миловал... Как можно? Ведь она с родителями уже избила его, сбросила с лестницы, так зачем было ещё и полицию вызывать?

Вызвали, получается, не из страха, что он их убьёт, а чтобы отомстить.

Это как же надо его ненавидеть? Легче было бы развестись!

«Не легче», – тут же отвечает сам себе Венценосцев. Он зарабатывает, все счета оплачивает. Материально выгоден. Получается, его за деньги терпят.

А на вид – непохоже. Маринка ведёт себя ласково, ревнует даже время от времени.

«Я знаю, что ничего не знаю», – вспомнил Виктор. Ничего он не понимал теперь: кого любить, кому верить, что вообще делать, как жить? Как целовать ту, что может засадить его в тюрьму одним звонком в полицию? Скажет, что угрожал, и срок из условного превратится в настоящий.

«Нет, она так не сделает», – сам себя убеждает Венценосцев. Она не такая.

Не такая...

Не такая...

Не такая...

Он всхлипывает. Этого никто не слышит. Так тоскливо ему не было никогда, даже когда его в девяностых на трассе остановили бандиты и чуть не убили. Спас другой проезжающий дальнбойщик, выскочил с монтировкой и быстро всех уконтрапупил – бывшим воином-афганцем оказался.

Тогда было страшно, а сейчас – страшно и обидно. «И враги человеку – домашние его» – верно как сказано. Никто не ранит тебя словами больше, чем родные. Никто не отомстит тебе лучше, чем они. Потому что хорошо тебя знают и потому что ты перед ними гол. Ничем не защищённая душа.

Виктору предстоит более двух лет зависимости. Он полностью в руках у своей семьи. Захотят – на хлеб намажут. А он не должен и слова поперёк, иначе сядет... И к любимой женщине теперь желательно на цирлах.

Венценосцев знает, что зависимость – одно из самых тяжёлых испытаний. И не только для того, кто зависит. Но в неменьшей мере для того – от кого зависят. Мало кто не пользуется в этой ситуации своим положением. Тут и проявляются люди... Ты можешь убить: позволено. А убьёшь? Можешь изнасиловать – и ничего тебе не будет. Воспользуешься? Можешь унижить, высмеять, дать щелбан. Сделаешь это, если тот, кому даёшь, безответен?

В эмиграции в такое положение часто попадают. Вызвали, скажем, родственницу из России. У неё ни документов, ни, соответственно, прав. И живёт у них. И вот тут разворачиваются подлинны трагедии, подобные «Грозе» Островского. Люди не справляются с властью, которой обладают над беднягой. Начинают муштровать, унижать, срывать на ней настроение. Доводят до того, что человек, подобно Катерине из пьесы, готов броситься с моста. Но он не бросается, а только ждёт документов, каждый день бегаёт проверять почту. И, получив, уходит навсегда из дома родственников и не звонит, не отзывается всю жизнь.

А знакомым те родственники потом рассказывают: «Мы её поили, кормили, помогали медстраховку получить, а она, неблагодарная... Вот и помогай людям».

Многие, ох многие родственники расстались из-за этого в эмиграции. И вот их, Венценосцевых, семья тоже после стольких лет дала течь...

Вчера Маринка под одеяло забралась, обнимает. А он не сопротивляется и думает: «Как же она не понимает, ведь я теперь её заложник...» И звонок в полицию, и его судимость всегда будут стоять между ними. Женщина, вероятно, может любить того, кого боится. А мужик – нет, не может...

И тут же Виктор вспоминает: а как же фавориты императриц? Ведь они знали, что царьбаба может их на плаху в любой момент, а «держали»...

Но там за власть, за деньги. А он за что будет сейчас в постели «держаться»? За бывшее уважение?

Что делать? Что делать? Эта мысль теперь всегда в мозгу. Обидно ещё было, что жизнь его в последние годы стала какой-то мелкой, ничтожной, как у гусеницы. Он превратился в мужика, которому важно, что скажет теща, которого задевают слова старухи, который с ней всерьёз воюет. И проиграл, между прочим.

Хотелось вырваться. В ту, прежнюю жизнь, когда человек звучал гордо. И когда он, Венцеслав, был художником, и его уважали, и он сам себя уважал. Он не был эмигрантом, а был плоть от плоти родной земли. Хозяином был. И думал в то время о высоком. Делал по утрам зарядку под команды из радио, обсуждал с друзьями новые публикации «Роман-газеты». Жил по-советски небогато, но интересно. Свободно жил. Деньги не волновали – волновали мысли, чувства и девушки...

Эх, если бы не разрушили Советский Союз...

* * *

Однажды утром Виктор не пошёл на работу. Марина, заспанная, в ночнушке, зашла в гостиную и увидела, что муж собирает чемодан.

– Ты куда? – тихо спросила, враз всё поняв.

– На Кубу. Я снял со счёта пять тысяч. Поживу пока там... На счету осталось много, тебе хватит. Когда деньги у меня закончатся, попрошу тебя ещё прислать. Не дашь – приеду обратно, заработаю и снова туда поеду.

Она молчала. У них была мечта: когда выйдут на пенсию, поедут жить на Кубу. Снимут хибарку близко от моря и будут купаться каждый день. С канадскими-то деньгами там не жизнь, а рай. Всё стоит копейки, население – дружелюбное, особенно к русским. По менталитету кубинцы очень похожи на советских людей. Что для нас было доблестью, то и для них доблесть, что для нас подлость, то и для них.

– Ты мне там изменять будешь, – прошептала Марина.

Многие канадцы ездят на остров, чтобы завести себе хоть какой-то роман. Люди на Кубе бедные, и пожилой мужчина вполне может отхватить юную красавицу, расплачиваясь в буквальном смысле бусами – бижутерией, бельём, одеждой, сувенирами, которые в Канаде можно купить в долларовых магазинах.

– Не знаю, – ответил Виктор. – Но если я проживу свой срок здесь, мы разведёмся. А так – есть надежда...

Марина ничего не сказала и пошла на кухню. Собирать ему еду с собой. Тушёнку, сайру в масле для лёгкого супчика, сгущёнку и прочее, что долго хранится и из чего можно сделать себе в дальней дали «полное накрытие».

Полиция пришла утром. Причём не просто полиция, а Королевская конная полиция – что-то вроде канадского ФБР. Не на конях, правда, приехали, а на машине приехали. Евдокия, которая только проснулась и ещё ходила по дому в накинутом на ночнушку халате, непричёсанная и ненакрашенная, была смущена. Настолько, что даже не испугалась. «И не прибрано», – с отчаянием подумала, по русскому обычаю пригласив вот этих, которые сунули свои удостоверения ей в глаза, в дом.

Это были мужчина и женщина. Они вошли, беспокойно озираясь, как будто это была штаб-квартира Кремля и из-за угла на них могли наброситься псковские десантники или медведи в ушанках со звездой.

– Кто ещё в доме? – спросила женщина.

– Трое детей, собака и кошка. Их позвать? – простодушно спросила Евдокия, думая в этот момент о другом: на столе у неё лежала куча фотографий с форума эмигрантов в Москве. Кто знает, как пришельцы это воспримут? Она там с Лавровым на одном фото. Притулилась к нему, и улыбка до ушей.

Мысли метались. Ведь если по-человечески рассуждать, ну и что, что с Лавровым? Посещать форумы эмигрантов в Канаде не запрещается. Свобода передвижения и всё такое прочее... Если туда пришла знаменитость, отчего с ней не сфотографироваться?

Но это по нашей логике, а кто знает, какая логика у канадской конной?

Гости попросили запереть собаку в туалете, уселись на диван и задали первый вопрос:

– Расскажите нам, пожалуйста, про форум в Москве. Какие у него были цели, кто приехал туда, что вы там делали?

Евдокия читала, что в некоторых тюрьмах мира демократические их устроители допрашивают арестантов голыми. Такая форма воздействия. Голый человек не настроен к сопротивлению. Он всё время испытывает стыд и думает только о том, как ему прикрыть срамные места. К тому же как-то глупо быть голым партизаном или голым героем. Смешно как-то. Вот и Евдокия, в ночнушке, с растрепавшимися за ночь волосами, с помятым лицом сорокалетней женщины, чувствовала себя как голый арестант. Запах дорогих духов от полицейской-женщины только усугублял комплексы.

Потому Дуся сконфуженно ответила:

– Да ничего особо не делали. Каталась на катере по Москве-реке, пили шампанское, ели блины с икрой. В России, знаете ли, такое гостеприимство...

– Цели форума...

– Россия готовится к выборам. Собрали руководителей эмигрантских общественных организаций, чтобы те оповестили народ о выборах и подтолкнули граждан России, проживающих за рубежом, к участию в выборах.

Евдокия не могла понять интереса к этому событию. Россия с недавних пор стала пытаться объединить соотечественников за рубежом. Тратила на это большие деньги. Но получалось не ахти... Потому что приглашали кого попало. Эмигрантов, от которых ничего не зависело. Нет бы приглашать руководителей хорошо настроенных к России СМИ – те бы потом могли хоть к чему-то призвать эмигрантов или пиарить русскую культуру в своих газетах и программах. Или бы московские чиновники выяснили, кто действительно является активистом в русских общинах, кто проводит парады «Бессмертного полка», ведёт за собой массы. Нет, приглашают чьих-то родственников, знакомых, которые пьют, едят задарма, живут в шикарных гостиницах на российские деньги, а потом возвращаются за границу и никакого выхлопа от них нет. Так это ещё хорошо, если нет выхлопа. А то Дуся как-то слышала за спиной от двух делегатов-эмигрантов, как те переговаривались меж собой: «И когда они уже Путина скинут?» Имелись в виду россияне.

Потом эти два товарища сняли телепередачу по итогам форума. Показали её по ТВ в своей жаркой стране. Один из них, пожилой и морщинистый, как шарпей, сидел в расстёгнутой чуть ли не до пупа рубашке, из которой торчали седыми пучками длинные кудрявые волосы, и, важно роняя слова, критиковал российских журналистов за плохой русский язык. Дескать, очень его поразило в России, какие непрофессиональные там журналисты. При этом он постоянно употреблял лагерные слова: «нагнули», «прогнулся», «подставился».

Но не говорить же канадской конной, что все эти мероприятия, при том что цели у них мирные и чудные, превращаются в пиры для эмигрантов за счёт российских налогоплательщиков? Евдокия была не из тех, кто критикует родину перед иностранцами.

– Какие суммы ваша организация переводит в Россию и для чего? – было следующим вопросом.

Дуся поразилась. Никаких денег возглавляемая ею организация «Союз русских эмигрантов Канады» в Россию не переводила. И не получала оттуда ничего. Всевозможные российские фонды только обещали деньги, но ничего не давали. Так что у них в «Союзе» все работали на голом энтузиазме.

А что делали? Проводили митинги за Донбасс и против того, чтобы Канада давала Украине, воюющей против собственного народа, деньги. Писали письма на английском языке канадским депутатам в разгар боевых действий на Донбассе, рассказывая, как на самом деле там обстоят дела, и призывая повлиять на власть, чтобы она не поддерживала режим Порошенко. Писали комментарии к статьям в канадских англоязычных газетах, просвещая канадцев на ту же тему. Собирали деньги и вещи для детдомов и больниц Донбасса. Для ополченцев не собирали, так как хоть они и не признаны официально Канадой террористами, но всё же в «органах» могут счесть, что русские эмигранты спонсируют «незаконные вооружённые формирования». Потому деньги посылали исключительно в больницы Донецка и Луганска. А что там купит на них главврач – инсулин или берцы, эмигранты за то не в ответе.

Хотя украинская община в это время в открытую собирала деньги на АТО. Но то украинская – любимая канадским правительством за свою избирательскую многочисленность. Она имеет влияние на выборы в стране, так как украинцев больше мильона, а русских, наверное, полмиллиона, и на них пока канадские политики на выборах не оглядываются.

Полицейские сидели и вопросительно смотрели на Дусю. И её взяла злость. В Канаде вообще-то не принято приходить без уведомления. К ним самим, когда они не умывались ещё, никто не вваливается. В стране действует Украинский конгресс, Еврейский конгресс и ещё целая куча этнических организаций, и что, ко всем сегодня пришли узнать, кто, куда и зачем ездил?

– А знаете что? Давайте мы поступим иначе, – предложила Дуся, – вы пришлёте мне официальное приглашение на допрос, предоставите социального адвоката, а также переводчика, а я приду к вам на допрос со своим адвокатом.

– Но почему? Почему вы не хотите отвечать у вас дома? – заговорили враз оба посетителя. –

И зачем вам переводчик? Вы прекрасно говорите по-английски.

– Мой дом не предназначен для допросов, – пояснила Евдокия. – А переводчик мне нужен для того, чтобы у нас с вами не вышло недопонимания. У нас настолько разная ментальность, что я говорю одно, а вы можете понять совершенно иначе...

Она подошла к двери и приоткрыла её, сделав приглашающий выйти жест.

– Хорошо, – ответили ей. – Мы пришлём официальное приглашение.

Дуся проследила через жалюзи, что они уехали, и вдруг её стало трясти. Испуг пришёл только сейчас. У неё трое детей, она с таким трудом получила в начале девяностых вид на жительство, они столько пережили всей семьёй в период адаптации, и вот нате. Она – враг народа. Или как ещё понимать этот визит? И ведь написала какая-то паскуда донос...

Доносы в общине начали писать в четырнадцатом-пятнадцатом годах. Дуся знала кто, это было очевидно. Потому что до того, как писать, они звонили. Звонили в банковский офис, в котором она работала. Говорили, что финансовый консультант Евдокия Апухтина привечает у себя террористов. Прямо в офисе банка. Поит их чаем и куёт вместе с ними планы по убийству лидеров Северной Америки и устройству терактов на территории континента.

Менеджер банка господин Рэнстон был в совершеннейшем обалдении от новости. Он, конечно, не поверил и посмеялся вместе с Дусей над этим звонком. Но ей было не смешно. В офис звонила журналистка, которую она лично знала. Ну как – журналистка? Не настоящая, конечно, а как многие в эмиграции – вдруг поверившая в свой литературный дар тётя Мотя. До эмиграции она отплясывала канкан в варьете Москвы, а теперь мучила радиослушателей грубым голосом и ещё более грубой манерой поведения. «Журналистка» была яркой замайданницей и русофобкой.

Дуся была знакома с этой дамочкой. Конечно, дружеских отношений у неё, любящей Россию каждым своим нервным корешком, с такими людьми быть не могло. Но они здоровались при встрече и ни в каких баталиях не сталкивались. Было, что дамочка брала у Евдокии интервью по поводу организованного «Союзом русских эмигрантов Канады» русского бала. И вполне хорошо поговорили...

Дуся была поражена тогда, как много пошло доносов на русских активистов. В интернете размещались воззвания на русском и английском языках: «Обращаем внимание канадских правоохранительных органов на русские организации, которые стремятся подорвать благополучие нашего демократического государства. Агенты влияния... рука Кремля... несопоставимо с нашими канадскими ценностями... Требуем немедленной депортации... А руководит всем этим...»

Подписей под доносами, разумеется, не было. Ставили что-то типа: «Лига противодействия тоталитаризму в России».

Тут же, в этих доносах, руководители русских организаций и наиболее видные их активисты обвинялись в национализме, шовинизме, антисемитизме и прочих «измах».

Но и евреям-«ватникам» тоже доставалось. Про Исаака Лернера, проведшего несколько демонстраций против киевского режима, писали: «И он, будучи евреем, в Пурим плясал кадрили под лестницей российского посольства!»

Дуся не смогла сдержать смеха, когда прочитала это. Под лестницей в российском посольстве были туалеты. Было бы странно, если бы Лернер, проживающий в Торонто, приехал в Оттаву в Пурим, чтобы сплясать перед туалетами в российском посольстве. Но писаки-руссофобы не гнушались ничем, потому что их целью не была правда. Целью было подорвать репутацию активистов русской общины любым путём, отомстить «вате» со всех сторон. Если ты русский, пусть тебя сторонятся как шовиниста, если еврей, пусть от тебя бегут собратья как от отступника. Если ты финансовый консультант, пусть тебя вышвырнут из банка, а коли ты владелец магазина, оповестим о твоих выдуманных грехах как можно больше покупателей.

Дуся сходила наверх, на второй этаж, и с чувством удовлетворения убедилась, что дети спали. Каникулы. Сын и две дочери были подростками, оканчивали школу.

Евдокия посмотрела на них спящих и подумала, что своей общественной деятельностью, возможно, вредит им. Кто знает, может быть то, что их мать так любит Россию, снимается с Лавровым и размещает в фейсбуке положительные посты о Путине, не даст детям занять государственные должности в Канаде или негласно лишит их права быть избранными? Никто из детей в канадские депутаты не стремился, но если

93

вдруг начнёт стремиться кая, вероятно, «органы» вспомнят их мамашу – пионерку-партизанку.

Однажды Дуся сходила на собрание любителей истории СССР. Как ни странно, есть в Канаде такое общество. Сходила из любопытства, прихватив с собой мужа Анатолия. Толик в то время работал компьютерщиком в крупном канадском издательстве и был на хорошем счету. Ему обещали повышение.

А вскоре после Дусинога с супругом похода к любителям истории СССР, среди которых были какие-то нищие чернокожие старушки и полоумные белые троцкисты в чёрных фуражках а-ля Лейба Бронштейн, Анатолия уволили. Как принято в Канаде – без объявления войны. Подошли, попросили собрать манатки, проследили, чтобы собрал, и вывели чуть ли не под руки.

Конечно, может быть, эти события и не связаны меж собой... Но вспомнилось вдруг Дусе, что руководитель любителей истории, правнук революционерки-садистки, седой старикан, провозжая её, тихо сказал по-английски: «Евдокия, не будь хорошей, будь осторожной».

По-русски он не говорил, а только по-английски и почему-то по-румынски.

Дуся всегда нравилась старикам, потому что и они ей нравились. Апухтина выросла на Кавказе и впитала с молоком матери уважение к старости. Где бы она ни была, первым делом заботилась о стариках. На русских балах рассаживала их, а не политиков и спонсоров на лучшие места. В первую очередь еда подавалась им. И она видела, как лучились глаза пенсионеров, на неё обращённые. Вот и этот увидел в ней искреннее к нему внимание и уважение (в конце концов, правнуки за прабабок не отвечают) и счёл нужным предупредить.

...Евдокия налила себе чай с жасмином – полюбила его, ещё когда работала официанткой в китайском ресторане сразу после приезда в Канаду, – и закручинилась.

Полиция приходила уже ко всем активистам её организации. А, спрашивается, почему? Нет, конечно, имеет право. Наверное, вот этим тотальным контролем и достигается безопасность государства, но ведь русские не делали ничего противоправного. Митинги проводили только с разрешения мэрии. Ходили мирно, никого не трогая. Слова на транспарантах были выверены по букве закона. Никаких призывов к экстремизму, исключительно просьбы и пацифистские лозунги: «Русская Канада против фашизма на

Украине!», «Нет войне! Донбасс, мы с тобой!», «Одесса, скорее гони Бандеру в шею!», «Канадские налогоплательщики против траты денег на войну на Украине!».

Однажды какой-то проходящий мимо канадский студент спросил: «Вы русские? Вы ненавидите украинцев?», и как же все к нему бросились уверять, что нет, мы, дескать, любим украинцев (при этом многие били себя в грудь и кричали: «Я сам из Киева», «А я из Харькова»), мы просто против фашизма и войны, а также против поддержки переворотов в других государствах. Доказывали, что Канада портит свой имидж миролюбивой страны, что в ней самой проблем масса, так не лучше ли ими заняться, чем бегать по планете с демократизатором?

– Мы любим Украину и украинцев, – божились русские эмигранты, и Дуся знала, что они не лгут.

Вся ненависть «ваты» к украинцам – бутафорская декорация. Как потёмкинские деревни. Она прикрывает собой поруганную любовь. Потому что русские всегда любили украинцев, и любят, и не перестанут любить. Можно обижаться на брата, можно поражаться его ослеплённой подлости, его неожиданной жестокости, но разлюбить того, кого ты купал в тазике, когда он был мал, кого ты кормил из ложечки и кто так ласково и преданно обвивал твою шею ручонками, невозможно. Он заносит меч над тобой, а ты видишь родные глаза, родные руки, и всё ваше общее чумазое, но счастливое детство пронесится перед глазами. Ты отталкиваешь его, ты перехватываешь меч, ты вяжешь его, то ли пьяного, то ли одержимого, ты вызываешь бригаду психиатров, но, боже, как болит душа!.. Как болит душа и как горячи слёзы обиды, как хочется, чтобы всё прошло, словно дурной сон...

Но сон не проходит, и ты кричишь: «Будь ты проклят... Ты всех нас предал... Ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи?», а он, как Кай из сказки про Снежную королеву, не слышит тебя и не видит. Попавший в его глаз осколок кривого зеркала искажил твой образ. Ты говоришь «люблю», он слышит «ненавижу», ты пытаешься обнять, а он видит, как ты достаёшь из кармана заточку.

А всё тролли со своим зеркалом, будь они неладны...

И в Дусиной организации ребята часто кричат: «Не простим!», «Украины и украинцев для нас больше не существует!» Но Дуся знает, что

это ложь. Даже с чеченцами, которые русским по крови не братья, и по культуре не братья, и по вере не братья, примирились. А уж украинцев не просто простят, а снова сольются две славянские реки в одну и будут крепче, чем прежде. Но, конечно, украинскую войну никто не забудет. Эту подлюку, эту искусственно созданную войну. И памятники героям – вовсе не тем, которым слава, – будут стоять по всей территории южного предела России, именуемого ныне окраиной.

Раздался телефонный звонок.

– К тебе приходили? – спросила Наталья, руководитель танцевального ансамбля «Павушки». – У меня только что были. Меня всю трясет...

– Не дрейфь, мы ничего такого не делаем, – стала её утешать Евдокия. – Нам нечего бояться. Ты на вопросы отвечала?

И час они обсуждали, кто и что сказал да как. Наталью спрашивали про то же самое: зачем ездил в Россию, с кем встречалась, видела ли лично Путина (этот вопрос её поразил в самое сердце, заодно насмешив) и шлёт ли туда деньги? Она тут же пожаловалась, что денег у неё и для себя нет, не то что для России, что в её ансамбле все «павушки» сами шьют себе русские наряды, скинулись на покупку аппаратуры, за концерты им никто не платит и пляшут они просто для души, а работают кто кем: кассиром в магазине, секретаршей в офисе врача, уборщицей офисов и так далее. Наталья даже потребовала от полицейских поспособствовать в получении гранта: «А то всякие русофобы берут у Канады деньги на развитие русской культуры, а сами на эти гранты выпускают полные лжи газеты и отдыхают в Доминикане!»

– Короче, ты вставила стражам порядка пистон, – нервно хохотала Дуся.

– А чё? – храбрилась Наталья. – Пусть знают, как мы тут живём. Ишь ты, деньги мы в Россию посылаем! Какие такие деньги, когда в Канаде второй раз кризис? И между прочим, из стран G7 только у нас тут кризис второй раз! А безработица какая? Растёт! Я им всё сказала, цифры привела. Упрекнула безработицей в Альберте...

Дуся хохотала, но внутренне восхищалась. Бабоньки ей в организацию достались неопишущей внутренней силы и красоты. Уехавшие в девяностых за границу славянки (кто замуж, кто просто подзаработать) да оставшиеся там (родили детей от местных жителей, и дверка в Россию захлопнулась), не будучи артистками, из

любви к родине и желания ей подсобить вдруг запыли в эмиграции народные песни, да заплясали, да пооткрывали театры и школы обучения русскому языку. И всё это делали на голом энтузиазме, по вечерам и выходным, днём работая во вполне земных организациях и уставая, так как не девочки уже...

В переломные для русской общины четырнадцатый-пятнадцатый годы они по ночам рисовали антивоенные плакаты, чтобы утром выйти с ними на демонстрацию, они шили стометровые георгиевские ленты, пекли сотни блинов на Масленицу (пропаганда русской культуры: идём к сердцам через желудки), наклеивали на доски с палочками портреты фронтовиков и шли колоннами, демонстрируя всем, что была такая славная Победа и к ней причастны именно русские...

Эти бабоньки вдвухали в уши своим иностранным мужьям, как велика их, русских женщин, далёкая снежная родина, как справедлива, как непобедима и как чиста... «В ней, – кричали в уши этих самых мужей бабоньки, – женятся мужчины и женщины, в ней в церквях не проводят собачьих свадеб, в ней в школах дети учат не про анальный секс, а про князя Михаила Черниговского, который был замучен в Орде за то, что не поклонился идолам поганым...»

В эти годы Евдокия отчётливо увидела, кто писал в тридцатых годах доносы и кто был партизаном в Великую Отечественную. Доносы писали те же самые, что и сейчас пишут. Просто изменились формулировки. Тогда доносчики представляли себя коммунистами, а оппонентов – контрой. Сейчас эта же самая публика, сменившая самоназвание с большевиков на либералов, точно так же клеймит всех, кто ей сопротивляется, выставляя их уже русскими националистами и исламскими террористами. Это новое название для контры. В семьях доносчиков писали деды, отцы, и теперь пишет третье-четвёртое поколение. Традиция. Причём они же одновременно второй рукой пишут статьи в газеты, обличая Сталина и уличая народ России в том, что вот именно он весь и является доносчиком и сам себя высек, потому что завистник, раб и пьяница. А сами они-де сбоку припёка, интеллигентия высочайшей души и необыкновенного интеллекта.

А партизанами во Вторую мировую были вот такие Дуси и Натальи. Плюс Тамары Ратьевы. Это ещё одна активистка русской общины. Евдо-

кия позволила ей, и та сказала, что к ней пока не приходила.

– Да пусть приходят! Делов-то! Я им скажу, что мы никакие не террористы и не агенты Кремля, а просто люди, которые любят свою родину. Когда мы иммигрировали в Канаду, нам не предлагали от России отречься. Все, кто здесь живёт: украинцы, итальянцы, китайцы, арабы, евреи – любят свою родину и помогают ей, а почему нам нельзя?

Тамаре шестьдесят два года, она настоящая русская красавица. Правильные черты лица, умные и всё понимающие синие глаза, ржанные длинные волосы забраны в низкую шишку, на плечах обычно оренбургский платок. Выражение лица – спокойно-сердечное. На Тамару хочется смотреть и смотреть, хоть и не молода. Евдокия, глядя на Ратьеву, всегда думает, что если женщина была красива в молодости, то и в старости это видно. А то некоторые бьют себя в грудь, будто в юности они были красавицами, а следа не найдёшь.

Ратьева прожила в Канаде двадцать лет. Русская эмигрантка с Украины. Уехала оттуда, когда в Незалежной начались антирусские закидоны. Преподавала в университете, писала научную работу, и вдруг сказали, что работу нужно писать по-английски, а преподавать – на украинском. Тамара знала оба этих языка, но ей не обосновали, отчего нужно позабыть русский язык. И она отказалась участвовать в «балагане», как она назвала новшества.

– Всё, что случилось в две тысячи четырнадцатом на Украине, родилось не в одночасье, – рассказывала она Дусе. – Помню, был у нас в университете приятный парень лет тридцати. Я с ним почти дружила. И каким же обухом по голове было для меня, когда он сказал: «Я бы москалей перестрелял всех, если бы у меня ружьё было». А ещё старушка у нас одна преподавала, я её очень уважала, в гости к ней ходила. И тоже из неё в годы «обретения независимости» полезло. Сказала мне, что русские хороши, когда лежат на три метра в земле... Российского гражданства у меня не было, у нас многие тогда подавали документы на эмиграцию в Канаду и довольно быстро получали желаемое. Я тоже подала. Не всерьёз даже, а так... вдруг дадут, и поеду, заработаю... А мне взяли да и прислали вид на жительство.

Ратьева слывет неустрасимой. Всегда идёт впереди всех демонстраций и ни очки не надева-

ет, ни плакатом не загораживается. Весь вид её – Родина-мать. Её любят все, и она любит всех. Причём и на работе, в канадской компании, где она дослужилась до менеджера, её тоже любили. Честный человек всякому приятен: он даёт надежду, что мир спасётся. Сейчас вышла на пенсию и недавно съездила в паломническую поездку на Валаам.

Рассказывала на собрании «Союза русских эмигрантов Канады» о своём вояже:

– Там всюду идёт строительство, мостят тротуары, новые храмы открывают... Буквально на каждом шагу храмы... Везли нас на туристическом автобусе, остановились в какой-то глуши в туалет сходить, так туалет – такого в Европе не найдёшь. Плитка блестит, краны какие-то диковинные – с цветной подсветкой... По городу идёшь – красота несказанная: и дома красивые, и цветы кругом развешаны в изящных корзинах, на земле ни окурка, ни бумажки... Поднимается Россия, не сломили её окаянные. Всё, всё в ней мило и прекрасно!

Эмигранты слушали, кивали. Все ездят и видят, как меняется страна. Кому-то в России не видно, а издали всё замечаешь, самую даже малость: водители стали пешеходов пропускать, на улицах и в общественном транспорте никакого хамства, в ресторанах расторопно и вежливо обслуживают, детишки идут хорошо одетые, подтянутые, в парках установлены тренажёры, для того чтобы народ спортом занимался, и вокруг них молодёжь вьётся. А в театрах что творится? Аншлаг, причём много там молодых зрителей: девчонки пришли стайками, на высоких каблучках, парни в классических костюмах.

Радовались души эмигрантские и плакали от счастья видеть родину восставшей из пепла. А русофобы шипели со страниц фейсбука и эмигрантских газет: «Вы крысы, сбежавшие с корабля» – и кричали: «Чемодан – вокзал – Россия». Но если сначала это оскорбляло великую патриотическую волну – эмиграцию девяностых годов, то потом на шипение перестали обращать внимание. Слали гуманитарку в Россию, орали за неё на всех углах и клали с прицепом на то, кто что по этому поводу думает.

Евдокия всё же, узрев однажды на одном из русских пикников священника, отвела его в сторонку и спросила наболевшее:

– Грех это, что мы Россию покинули, или нет? Что вы скажете? Мы же тогда, когда уезжали, ничем ей помочь не могли. Нам зарплаты не плати-

ли, жить не на что было, а криминал какой был – моему мужу угрожали сына похитить, если не поделится с рэкетом. Мы спасались, но ни разу свою страну не охажали за границей и всем рты затыкали, кто из предыдущих волн эмиграции пытался её охаять... Мы ни разу не предали, а ироды эти прут на нас, щиплют, попрекая. Правы они?

Батюшка ответил не сразу, а подумал, сахар в чай положил, размешал и тихо, но уверенно сказал:

– Господь дал людям дом. А самым сильным дал посох. И сказал: «Свидетельствуйте!» И пошли апостолы по миру свидетельствовать... Если бы они не разбрелись по земле, как бы люди узнали слово Божие? Вот и вы... Как апостолы... Вы же свидетельствуете?

– Ещё как! – вспыхнула Евдокия. – Беспре- станно.

– Вот и свидетельствуйте. И ни о чём не бес- покойтесь. Не бойтесь ничего. Бог боязливых не любит.

...Сейчас, после визита королевской конной, Евдокия вспомнила эти слова. «Бог боязливых не любит», – повторила про себя, и вдруг стало на душе светло и радостно.

И что её бояться, эту полицию? Сейчас вот прошли по русским активистам, убедились, что это просто люди – с семьями, работой, ипотечными выплатами, а никакие не террористы, и посрамлены будут доносчики. И никто им больше не поверит. А вызовут в полицию, так отчего не сходить, не прочесть там курс всемирной истории? В Канаде в школах историю учат всё больше свою, а всемирную почти не изучают. И результат налицо. Однажды Дуся ходила в кинотеатр смотреть фильм «Мария-Антуанетта». Картина заканчивалась сценой ареста короля и королевы. После этого были титры и зажгётся свет. Дуся услышала сзади разочарованное восклицание на английском: «Ну и что это за конец? А что с ними дальше-то?»

Так вот, отчего не пойти в полицию, не продемонстрировать свой новый костюм, страшно дорогой и купленный в ГУМе (всё же стыдно было за свой неприбранный вид), и не рассказать хотя бы историю появления Крыма в составе Российской империи?

Но никакого письма с приглашением на допрос она так и не получила.

